

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 47
(1952)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья А. Дугина «Манифест Великого Пробуждения», опубликованная на сайте газеты «Завтра», 07.03.2021.
Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/manifest_velikogo_probuzhdeniya

Вологда,
март 2021

Манифест Великого Пробуждения

Имперский Ренессанс против «Большой Перегрузки»

Часть 1. Great Reset

5 пунктов принца Чарльза

В 2020 году на форуме в Давосе его основатель Клаус Шваб и Принц Чарльз Уэльский провозгласили новый курс человечества «Great Reset», «Большая Перегрузка».

План, озвученный Принцем Уэльским, состоит из 5 пунктов:

1. *Захват воображения человечества (так как изменения случаются только тогда, когда люди действительно их захотят);*

2. *Восстановление экономики после пандемии Covid-19, что должно привести к началу «устойчивого развития». Необходимо изобрести иные устойчивые производственные структуры, нежели те, которые оказали зловерный эффект на окружающую среду планеты;*

3. *Переход к экономике без использования нефти на глобальном уровне. Добиться этого следует с помощью критического влияния на цены на нефть с целью достижения устойчивости рынка;*

4. *Наука, технологии и инновации должны получить новый импульс развития. Человечество стоит на пороге радикального прорыва, который изменит все наши представления о том, что возможно и что выгодно в контексте устойчивого будущего;*

5. *Необходимо изменить структуру баланса инвестиций. Следует увеличить долю «зеленых инвестиций» и создать рабочие места в области «зеленой энергии», циклической экономики и био-экономики, развивать эко-туризм и «зеленые» публичные инфраструктуры.[1]*

Термин «устойчивое» (sustainable) является важнейшим концептом «Римского клуба» – «устойчивое развитие». Эта теория основана на другой теории – «пределов роста», согласно которой перенаселение планеты достигло критической черты (что подразумевает необходимость сокращения рождаемости).

Тот факт, что слово «устойчивое» используется в контексте пандемии Covid-19, что, согласно некоторым аналитикам, и должно привести к сокращению населения, вызвало значительную реакцию в мировом масштабе.

Основной смысл «Большой Перегрузки» сводится к:

- управлению сознанием населения в глобальном масштабе, что лежит в основе «cancel culture» – введения цензуры в сетях, подконтрольных глобалистам (пункт 1);

- переходу к экологической экономике и отказу от индустриальных структур Модерна (пункты 2 и 5);

- вступлению человечества в 4-й экономический уклад (ему была посвящена предыдущая встреча в Давосе), то есть постепенной замене рабочей силы киборгами и внедрению развитого Искусственного Интеллекта в глобальном масштабе (пункт 3).

Основная идея «Большой Перегрузки» – это продолжение глобализации и укрепление глобализма после серии неудач: консервативного президентства антиглобалиста Трампа, роста влияния многополярного мира – прежде всего Китая и России, подъема исламских стран Турции, Ирана, Пакистана, Саудовской Аравии и выхода их из-под влияния Запада.

На Давосском форуме представители глобальных либеральных элит декларируют мобилизацию своих структур в преддверии столь желательного для них президентства Байдена и победы в США демократов, управляемых глобалистами.

Имплементация

Маркером глобалистской agenda становятся слова песни (Jeff Smith) «Build Back Better» («Построим снова и ещё лучше» – лозунг предвыборной компании Джо Байдена). Имеется в виду, что после серии неудач (таких, как тайфун или ураган Катрина) люди (имеется в виду, глобалисты) отстраивают свои инфраструктуры еще лучше, чем было прежде.

«Большая Перегрузка» – «Great Reset» – начинается с победой Байдена.

Мировые лидеры, главы крупнейших корпораций – Big Tech, Big Data, Big Finance и т. д. – объединились и мобилизовались, чтобы победить своих оппонентов – Трампа, Путина, Си Цзиньпина, Эрдогана, аятоллу Хаме-неи и других. Началом стало вырывание победы у Трампа с использованием новых технологий – через «захват воображения» (пункт 1), введение цензуры в интернет и махинаций с голосованием по почте.

Приход Байдена в Белый дом означает, что глобалисты переходят и к дальнейшим пунктам.

Это должно затронуть все области жизни – глобалисты возвращаются к тому месту, где их остановил Трамп и другие полюса поднимающейся многополярности. И здесь контроль над сознанием (через цензуру и

манипуляции с социальными сетями, тотальным слежением и сбором данных обо всех) и внедрение новых технологий играют ключевую роль.

Эпидемия Covid-19 дает для этого основания. Под предлогом санитарной гигиены «Большая Перегрузка» рассчитывает резко изменить структуры контроля мировых глобалистских элит над населением земли.

Инаугурация Джо Байдена и уже подписанные им указы, отменившие практически все решения Трампа, означают, что план начал приводиться в действие.

В своей речи, посвященной «новому» курсу внешней политики США, Байден фактически озвучил основные направления глобалистской политики. «Новым» – да и то лишь отчасти – этот курс может казаться только по сравнению с курсом Трампа. В целом же Байден просто анонсировал возврат к прежнему вектору:

- постановку глобальных интересов выше национальных;
 - укрепление структур Мирового Правительства и его филиалов в виде глобальных наднациональных организаций и экономических структур;
 - укрепление блока НАТО и сотрудничество со всеми глобалистскими силами и режимами;
- продвижение и углубление демократических перемен в мировом масштабе, что на практике означает:

1) эскалацию отношений с теми странами и режимами, которые отвергают глобализацию – прежде всего с Россией, Китаем, Ираном, Турцией и т. д;

2) усиление военного присутствия США на Ближнем Востоке, в Европе и Африке;

3) распространение нестабильности и «цветных революций»;

4) широкое применение практики «демонизации», «деплатформирования» и сетевого остракизма (cancel culture) в отношении всех тех, кто придерживается точки зрения, отличной от глобалистской (как за рубежом, так и в самих США).

Таким образом, новое руководство Белого Дома не просто не демонстрирует ни малейшего желания вести с кем бы то ни было равный диалог, но лишь ужесточает свой собственный либеральный дискурс, не терпящий никаких возражений. Глобализм прочно вступает в тоталитарную фазу. А это делает более чем вероятной возможность новых войн – включая повышенный риск Третьей мировой.

Геополитика «Большой Перегрузки»

Глобалистский «Фонд Защиты Демократий» (Foundation for Defence of Democracies), выражающий позицию неоконсервативных кругов США, совсем недавно выпустил доклад, содержащий рекомендации Байдену, где отметил, что такие Трамповские направления как:

1) усиление противостояния Китаю,

2) усиление давления на Иран

– положительны, и Байдену следует двигаться по этим осям во внешней политике.

Осудили же авторы доклада такие действия Трампа во внешней политике, как:

1) работу по дезинтеграции НАТО;

2) сближение с «тоталитарными лидерами» (китайским, КНДР и российским);

3) «плохую» сделку с талибами;

4) вывод американских войск из Сирии.

Таким образом, «Большая Перегрузка» в геополитике будет означать сочетание «продвижения демократии» с «неоконсервативной агрессивной стратегией полномасштабного доминирования», что является главным вектором политики «неоконсерваторов». При этом Байдену рекомендуется продолжать и наращивать противостояние с Ираном и Китаем, но основное внимание сосредоточить на борьбе с Россией. И для этого необходимо усиление НАТО и расширение американского присутствия на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Так же как и Трамп, Россия, Китай, Иран и некоторые иные исламские страны рассматриваются адептами «Великой Перегрузки» как главные преграды на её пути.

Так экологические проекты и технологические инновации (прежде всего внедрение Искусственного Интеллекта и роботизация) сочетаются с ростом агрессивной военной политики.

Часть 2. Краткая история либеральной идеологии: глобализм как кульминация

Номинализм

Чтобы отчетливо понять, чем именно является в историческом масштабе победа Байдена и «новый» курс Вашингтона на «Большую Перегрузку», следует окинуть взором всю историю становления либеральной идеологии – начиная с ее корней. Только в этом случае мы сможем по достоинству оценить всю серьезность нашего положения. Победа Байдена не случайный эпизод, а анонсирование глобалистской контратаки не просто агония провалившегося проекта. Все намного более серьезно. Байден и те силы, которые за ним стоят, воплощают в себе кульминацию исторического процесса, который берет начало еще в Средневековье, достигает зрелости в

Новое время вместе с появлением капиталистического общества и сегодня доходит до своей последней стадии – теоретически намеченной с самого начала.

Корни либеральной (=капиталистической) системы уходят в схоластический спор об универсалиях.

Этот спор расколол католических богословов на два лагеря: одни признавали бытие общего (вида, рода, универсалии), а другие считали существующими только отдельные конкретные – индивидуальные вещи, а их обобщающие имена толковали как чисто внешние условные системы классификации, представляющие собой «пустой звук». Те, кто были убеждены в существовании общего, видового, опирались на классическую традицию Платона и Аристотеля. Они стали называть «реалистами», то есть признающими «реальность универсалий». Самым ярким представителем «реалистов» был Фома Аквинский и в целом традиция монахов-доминиканцев.

Сторонники того, что реальны только отдельные индивидуальные вещи и существа, стали называться «номиналистами», от латинского *nomen*, «имя». Требование «не двоить сущности» восходит именно к одному из главных защитников «номинализма», английскому философу Уильяму Оккаму. Еще раньше эти же идеи отстаивал Иоанн Росцелин. И хотя на первом этапе победили «реалисты», а учение «номиналистов» было предано анафеме, позднее пути западноевропейской философии – особенно Нового времени – пошли вслед за Оккамом.

«Номинализм» заложил основу будущего либерализма – и в идеологии, и в экономике. Человек здесь мыслился именно индивидуумом – и ничем больше, а все формы коллективной идентичности (религия, сословие и т. д.) подлежали упразднению. Также и вещь рассматривалась как абсолютная частная собственность, как именно конкретная отдельная вещь, которую было легко приписать как собственность тому или иному индивидуальному владельцу.

Номинализм возобладал прежде всего в Англии, получил широкое распространение в протестантских странах и постепенно стал основной философской матрицей Нового времени – в религии (индивидуальные отношения человека с Богом), в науке (атомизм и материализм), в политике (предпосылки буржуазной демократии), в экономике (рынок и частная собственность), в этике (утилитаризм, индивидуализм, релятивизм, прагматизм) и т. д.

Капитализм: первая фаза

Отталкиваясь от номинализма, мы можем проследить весь путь исторического либерализма – от Росцелина и Оккама до Сороса и Байдена. Для удобства разделим всю эту историю на три фазы.

Первая фаза заключалась во внедрении номинализма в сферу религии. Коллективную идентичность Церкви, как ее понимал католицизм (и в еще большей мере православие), протестанты заменили отдельными индивидуумами, которые могли отныне толковать Священное Писание, опираясь только на свой рассудок и отвергая любую традицию. Так многие аспекты христианства – таинства, чудеса, ангелы, посмертное вознаграждение, конец света и т. д. – были пересмотрены и отброшены, как не соответствующие «рациональным критериям».

Церковь как «мистическое тело Христа» была разрушена и заменена клубами по интересам, создававшимся по свободному согласию снизу. Это породило множество спорящих друг с другом протестантских сект. В Европе и в самой Англии, где номинализм дал самые основательные плоды, этот процесс был несколько сглажен, а самые яростные протестанты ринулись в Новый Свет и создали там свое общество. Так позднее, после борьбы с метрополией, появились США.

Параллельно разрушению Церкви как «коллективной идентичности» (чего-то «общего») стали упраздняться сословия. На место социальной иерархии священников, аристократии и крестьян вступили неопределенные «горожане», а это и есть изначальное значение слова «буржуа». Буржуазия вытеснила все остальные слои европейского общества. Но именно буржуа и был оптимальным «индивидуумом», гражданином без рода, племени и профессии, но зато с частной собственностью. И новый класс стал перестраивать под себя все европейское общество.

При этом наднациональное единство Папского престола и Западно-Римской Империи – как еще одно выражение «коллективной идентичности» – также упразднялось. А на его месте устанавливался порядок на основе суверенных национальных государств, своего рода «политических индивидуумов». После окончания 30-летней войны Вестфальский мир закрепил именно такой порядок.

Так к середине XVII века в Западной Европе сложился в основных чертах буржуазный строй, то есть капитализм.

Философия нового строя была во многом предвосхищена еще Томасом Гоббсом и развита Джоном Локком, Дэвидом Юмом и Иммануилом Кантом. К экономической области эти принципы применил Адам Смит, положив начало либерализму как экономической идеологии. Фактически, капитализм, основанный на систематической имплементации номинализма, приобрел характер связанного системного мировоззрения. Смысл истории и прогресса отныне заключался в том, чтобы «освободить индивидуума от всех форм коллективной идентичности» – вплоть до логического предела.

К XX веку – через период колониальных завоеваний – западноевропейский капитализм стал глобальной реальностью. Номиналистский подход возобладал в науке и культуре, в политике и экономике, в самом повседневном мышлении людей Запада и всего человечества, оказавшегося под сильным западным влиянием.

XX и триумф глобализации: вторая фаза

В XX веке капитализм столкнулся с новым вызовами. На сей раз это были не привычные формы коллективной идентичности – религиозной, сословной, профессиональной и т. д., но искусственные и также современные (как и сам либерализм) теории, отвергающие индивидуализм и противопоставляющие ему новые – скомбинированные концептуально – формы коллективной идентичности.

Социалисты, социал-демократы и коммунисты противопоставляли либералам классовую идентичность, призывая рабочих всего мира сплотиться, чтобы опрокинуть власть мировой буржуазии. Эта стратегия оказалась действенной, и в некоторых крупных странах, правда, совсем не в тех индустриально развитых и западных, где рассчитывал основатель коммунизма Карл Маркс, пролетарские революции победили.

Параллельно коммунистам произошел – на сей раз в Западной Европе – захват власти крайне националистическими силами. На сей раз они действовали во имя «нации» или «расы», снова противопоставляя либеральному индивидуализму нечто «общее», некоторое «коллективное бытие».

Новые противники либерализма относились уже не к инерции прошлого, как на предыдущих стадиях, а представляли собой модернистские проекты, сложившиеся на самом Западе. Но они также строились на отвержении индивидуализма и номинализма. Это было ясно осмыслено теоретиками либерализма – прежде всего Хайеком и его учеником Поппером, которые объединили «коммунистов» и «фашистов» под общим названием «врагов открытого общества». И начали с ними смертельную войну.

Тактически используя Советскую Россию, капитализму вначале удалось справиться с фашистскими режимами, и это стало идеологическим результатом Второй мировой войны. Последовавшая за этим «холодная война» между Западом и Востоком к концу 80-х годов XX века завершилась победой либералов над коммунистами.

Так проект освобождения индивидуума от всех форм коллективной идентичности и «идеологический прогресс» в понимании либералов прошел еще одну стадию. В 90-е годы либеральные теоретики заговорили о наступившем «конце истории» (Ф. Фукуяма) и о «однополярном моменте» (Ч. Краутхаммер).

Это стало ярким доказательством вступления капитализма в свою наиболее продвинутую фазу – в *стадию глобализма*. Собственно, именно в это время в США у правящих элит и восторжествовала стратегия глобализма – наметенная еще в Первую мировую войну 14 пунктами Вильсона, но по итогам «холодной войны» объединившая элиту обеих партий – как демократов, так и республиканцев, представленных преимущественно «неоконсерваторами».

Гендер и постгуманизм: третья фаза

После победы над последним идеологическим противником – социалистическим лагерем – капитализм подошел к решающей черте. Индивидуализм, рынок, идеология прав человека, демократия и западные ценности победили в глобальном масштабе. Казалось бы, повестка дня выполнена – никто больше не противопоставляет «индивидуализму» и номинализму ничего серьезного и системного.

В этот период капитализм вступает в третью фазу. При ближайшем рассмотрении, после победы над внешним врагом либералы обнаружили ещё две формы коллективной идентичности. Прежде всего, пол. Ведь пол – это также нечто коллективное: либо мужское, либо женское. Поэтому следующим этапом стало уничтожение пола как чего-то объективного, существенного и неотменимого.

Половая принадлежность требовала отмены, как и все иные формы коллективной идентичности, изжитые и упраздненные еще раньше. Отсюда гендерная политика, превращение категории пола в нечто «опциональное» и зависящее от *индивидуального* выбора. И снова здесь мы имеем дело с тем же номинализмом: зачем двоить сущности?! Человек и есть человек как индивидуум, пол же можно выбирать произвольно – как раньше выбрали религию, профессию, нацию и образ жизни.

Это стало главной повесткой дня либеральной идеологии именно в 90-х после победы над СССР. Да, на пути гендерной политики вставали внешние противники – те страны, у которых еще сохранились по инерции остатки традиционного общества, ценности семьи и т. д., а также консервативные круги на самом Западе. Борьба с консерваторами и «гомофобами», то есть защитниками традиционного взгляда на бытие полов, стала новой целью адептов прогрессивного либерализма. К этому примкнули многие левые, заменившие гендерной политикой и защитой иммиграции прежние антикапиталистические цели.

По мере успехов институционализации норм гендерной политики и успехов массовой миграции, атомизирующей население в странах самого Запада (что также вписывается полностью в идеологию прав человека, оперирующей с индивидуумом без учета его культурных, религиозных, социальных или национальных аспектов), стало очевидным, что либералам остается сделать последний шаг – и упразднить человека.

Ведь человек – это тоже коллективная идентичность, а значит, ее следует преодолеть, отменить, упразднить. Этого требует принцип номинализма: «человек» – это только имя, пустое сотрясение воздуха, произвольная, а поэтому всегда спорная классификация. Есть лишь индивидуум, а человеческий или нет, мужской или женский, религиозный или атеистический – это зависит от его выбора.

Таким образом, последний шаг, который осталось сделать либералам, прошедшим многовековой путь к своей цели, заменить людей – пусть частично – киборгами, сетями Искусственного Интеллекта и продуктами генной инженерии. *Human optional* логически следует за *gender optional*.

Эта повестка уже вполне предвосхищена постгуманизмом, постмодернизмом и спекулятивным реализмом в философии, а технологически с каждым днем становится все более реалистичной. Футурологи и сторонники ускорения исторического процесса (акселерационисты) уверенно смотрят в ближайшее будущее, когда Искусственный Интеллект станет сопоставим по основным параметрам с человеческим. Этот момент называется Сингулярностью. Ее наступление прогнозируется в пределах от 10 до 20 лет.

Последний бой либералов

Вот именно в этот контекст и следует помещать продавленную победу Байдена в США. Именно это и означает «Большая Перегрузка» или лозунг «Построим снова и ещё лучше».

В 2000-е годы глобалисты столкнулись с рядом проблем, которые носили не столько идеологический, сколько «цивилизационный характер». С конца 90-х в мире практически не осталось более или менее стройных идеологий, способных бросить вызов либерализму, капитализму и глобализму. В разной мере, но эти принципы принимали все или почти все. Но тем не менее, процессы имплементации либерализма и гендерной политики, а также упразднения национальных государств в пользу Мирового Правительства затормозились сразу на нескольких направлениях.

Этому все активнее сопротивлялась Россия Путина, имевшая в запасе ядерное оружие и историческую традицию оппонирования Западу, а также ряд консервативных традиций, сохранившихся в обществе.

Китай, хотя и активно включился в глобализацию и либеральные реформы, не спешил применять их к политической системе, сохранял господство Компартии и отказывался от политической либерализации. Более того, при Си Цзиньпине стали нарастать национальные тенденции в китайской политике. Пекин ловко использовал «открытый мир», чтобы преследовать свои национальные и даже цивилизационные интересы. А это в планы глобалистов не входило.

Исламские страны продолжали свою борьбу против вестернизации и, несмотря на блокаду и давление, сохраняли (как, например, шиитский Иран) свои непримиримо антизападные и антилиберальные режимы. Все более независимой от Запада становилась политика таких крупных суннитских государств, как Турция и Пакистан.

В Европе стала подниматься волна популизма, которая нарастала по мере взрыва недовольства коренных европейцев массовой иммиграцией и гендерной политикой. Политические элиты Европы оставались полностью подчиненными глобалистской стратегии, что и видно на Давосском форуме – в докладах его теоретиков Шваба или принца Чарльза, но сами общества пришли в движения и подчас поднимались на прямое восстание против власти – как в случае протестов «желтых жилетов» во Франции. Кое-где – например, в Италии, Германии или Греции – популистские партии стали прорываться даже в парламент.

И, наконец, в 2016 году в самих США президентом умудрился стать Дональд Трамп, подвергший глобалистскую идеологию, практику и цели резкой и прямолинейной критике. И его поддержало около половины американцев.

Все эти антиглобалистские тенденции в глазах самих глобалистов не могли не сложиться в зловещую картину: история последних столетий с, казалось бы, неизменным прогрессом номиналистов и либералов была поставлена под вопрос. Это была не просто катастрофа того или иного политического режима. Это была угроза конца либерализма как такового.

Даже сами теоретики глобализма почувствовали неладное. Так, Фукуяма отказался от своего тезиса о «конце истории» и предложил еще сохранять национальные государства под властью либеральных элит, чтобы с опорой на жесткие методы лучше подготовить массы к окончательной трансформации в постчеловечество. Другой глобалист Чарльз Краутхаммер вообще заявил, что «однополярный момент» закончился, а глобалистские элиты не сумели им воспользоваться.

Именно в таком паническом и практически истерическом состоянии провели последние 4 года представители глобалистской верхушки. И поэтому вопрос устранения Трампа с поста Президента США был для них вопросом жизни и смерти. Если бы Трамп сохранил свой пост, обвал глобалистской стратегии был бы необратим.

Но Байдену удалось – правдами и неправдами – изгнать Трампа и демонизировать его сторонников. Тут-то и начинает работать «Большая Перегрузка», Great Reset. В ней, действительно, нет ничего нового – это продолжение основного вектора западноевропейской цивилизации Нового времени в направлении прогресса, истолкованного в духе либеральной идеологии и номиналистской философии. Осталось совсем немного: освободить индивидуумов от последних форм коллективной идентичности – завершить упразднение пола и перейти к постгуманистской парадигме.

Успехи высоких технологий, интеграция обществ в социальные сети, жестко управляемые, как сейчас выясняется, либеральными элитами в открыто тоталитарном ключе, отработка способов слежения и влияния на массы делают достижение глобальной либеральной цели вполне близкой.

Но чтобы совершить этот решающий бросок, им необходимо в ускоренном режиме (и уже не обращая внимания на то, как это выглядит) стремительно расчистить путь к финализации истории. А это значит, что зачистка Трампа является сигналом к атаке на все остальные преграды.

Так мы определили наше место на шкале истории. И тем самым получили более полное представление о том, чем является «Большая Перегрузка». Это не что иное, как начало «последней битвы». Глобалисты в своей борьбе за номинализм, либерализм, освобождение индивидуума и гражданское общество представляют сами себе «воинами света», несущими массам прогресс, освобождение от тысячелетних предрассудков, новые возможности – и, вероятно, даже физическое бессмертие и чудеса генной инженерии.

Все, кто им противостоит, в их глазах представляют собой «силы тьмы». И по этой логике с «врагами открытого общества» надо поступать по всей строгости. «Если враг не сдается, его уничтожают». А врагом является каждый, кто ставит под сомнение либерализм, глобализм, индивидуализм, номинализм – во всех их проявлениях. Такова новая этика либерализма.

Ничего личного. Все имеют право быть либералами, но никто не имеет права не быть либералом.

Часть 3. Раскол в США: трампизм и его враги

Враг внутри

В более ограниченном контексте, нежели рамки общей истории либерализма от Оккама до Байдена, вырванная у Трампа победа демократов в битве за Белый дом зимой 2020-2021 годов также имеет огромное идеологическое значение. Это связано прежде всего с процессами, развертывающимися внутри самого американского общества.

Дело в том, что после падения СССР и наступления «однополярного момента» в 90-е годы XX века у глобального либерализма исчезли внешние противники. По крайней мере, так тогда казалось в контексте оптимистичного ожидания «конца истории». Пусть такие прогнозы оказались преждевременными, но в целом Фукуяма не просто гадал – наступило ли будущее? – он строго следовал самой логике либерального толкования истории, и поэтому с определенными поправками его анализ был в целом верен.

Во всем человечестве, на самом деле, в той или иной мере установились нормы либеральной демократии – рынок, выборы, капитализм, признание «прав человека», нормативы «гражданского общества», согласие с технократическими трансформациями и стремление примкнуть к развитию и внедрению высоких технологий – прежде всего дигитальных. Если кто-то и упорствовал в своей неприязни к глобализации, это можно было рассматривать как простую инерцию, как не готовность быть «осчастливленным» либеральным прогрессом.

Иными словами, это было не идеологической оппозицией, но лишь досадной помехой. Цивилизационные различия должны были постепенно стереться. Капитализм, принятый и Китаем, и Россией, и исламским миром, рано или поздно повлек бы за собой процессы политической демократизации, ослабление национального суверенитета и привел бы, в конце концов, к принятию общепланетарной системы – то есть к Мировому Правительству. Это было не делом идеологической борьбы, но делом времени.

Именно в этом контексте глобалисты и принялись за дальнейшие шаги по продвижению своей основной программы – упразднению всех остаточных форм коллективной идентичности. Это прежде всего касалось гендерной политики, а также усиления потоков миграции, призванных окончательно размыть культурную идентичность самих западных обществ – в том числе европейского и американского. Таким образом, основной удар глобализации пришелся по своим.

В этом контексте на самом Западе стал проявляться «внутренний враг». Им стали те силы, которые возмутились уничтожению половой идентичности, остатков культурной традиции (через миграцию) и ослаблению позиций среднего класса. Постгуманистские горизонты надвигающейся Сингулярности и замена людей Искусственным Интеллектом также внушали все большие опасения. А на философском уровне не все интеллектуалы приняли парадоксальные выводы Постмодерна и спекулятивного реализма.

Кроме того, наметилось явное противоречие между западными массами, живущими в контексте старых норм Модерна, и глобалистскими элитами, стремящимися любой ценой ускорить социальный, культурный и технологический прогресс, понятый в либеральной оптике. Так стал складываться новый идеологический дуализм – на сей раз внутри Запада, а не вне его. Враги «открытого общества» отныне появились в самой западной цивилизации. Ими стали те, кто отвергали последние выводы либералов и совершенно не принимали ни гендерной политики, ни массовой миграции, ни упразднения национальных государств и суверенитета.

При этом такое нарастающее сопротивление, названное обобщенно «популизмом» (или «правым популизмом»), опиралось на ту же самую либеральную идеологию – на капитализм и либеральную демократию, но толковало эти «ценности» и «ориентиры» по-старому, а не по-новому.

Свобода здесь мыслилась как свобода иметь любые взгляды, а не только соответствующие нормам политкорректности. Демократия истолковывалась как власть большинства. Свобода менять пол сочеталась со свободой сохранить верность семейным ценностям. Готовность принять мигрантов, выражающих желание и дока-

зывающих способность к интеграции в западные общества, строго отличалась от поголовного принятия всех без различия в сопровождении непрерывных извинений перед любыми приезжими за колониальное прошлое.

Постепенно «внутренний враг» глобалистов достиг серьезных пропорций и большого влияния. Старая демократия бросила вызов новой.

Трамп и восстание ничтожеств

Кульминацией этого стало избрание Дональда Трампа в 2016 году. Трамп построил свою компанию на этом самом расколе американского общества. Кандидат от глобалистской партии – Хилари Клинтон – опрометчиво назвала сторонников Трампа, то есть «внутреннего врага» – «deplorables», то есть «жалкими», «достоинными сожаления», «ничтожествами». «Ничтожества» в ответ выбрали Трампа.

Так раскол внутри либеральной демократии стал важнейшим политическим и идеологическим фактом. Те, кто толковали демократию «по-старому» (как власть большинства), не просто восстали против нового толкования (как власть меньшинств, направленную против большинства, склонного вставать на популистскую точку зрения, что чревато... ну да, конечно, «фашизмом» или «сталинизмом»), но сумели одержать победу и привести в Белый Дом своего кандидата.

Трамп же со своей стороны провозгласил свое намерение «осушить Болото» (drain the Swamp), то есть покончить с либерализмом в его глобалистской стратегией и «сделать Америку снова великой» (Make Americagreat again). Обратим внимание на слова «снова» (again). Трамп хотел вернуться к эпохе национальных государств, то есть сделать ряд шагов против течения истории (как её понимали либералы). То есть «старое доброе вчера» противопоставлялось «глобалистскому сегодня» и «постгуманистскому завтра».

Следующие 4 года стали для глобалистов настоящим кошмаром. Подконтрольные глобалистам СМИ все 4 года обвиняли Трампа во всех возможных грехах – в том числе в работе «на русских», так как «русские» также упорствовали в непринятии «прекрасного нового мира», саботируя укрепление наднациональных институтов – вплоть до Мирового правительства – и препятствуя проведению гэйпарадов.

Все противники либеральной глобализации собирались логическую в одну группу, куда попали не только Путин, Си Цзиньпин, некоторые исламские лидеры, но и – только вдумайтесь! – Президент Соединенных Штатов Америки, человек номер один «свободного мира». Для глобалистов это было катастрофой. И пока Трампа – с использованием цветной революции, спровоцированных беспорядков, поддельных бюллетеней и методов подсчета голосов, ранее применявшихся лишь в отношении других стран и неугодных США режимов – не сбросили, они не могли чувствовать себя спокойно.

Лишь после этого, снова захватив бразды правления в Белом Доме, глобалисты стали приходить в себя. И снова взялись за... старое. Но в их случае «старое» (build back) означало возврат к «однополярному моменту» – в дотрампиистские времена.

Трампизм

Трамп в 2016 году оседлал волну популизма, чего не удалось сделать ни одному европейскому лидеру. Поэтому он стал символом противостояния либеральной глобализации. Да, это была не альтернативная идеология, а всего лишь отчаянное сопротивление последним выводам, сделанным из логики и даже метафизики либерализма (и номинализма). Трамп оспаривал отнюдь не капитализм и не демократию, но лишь те формы, которые они приобрели на последней стадии и постепенной и последовательной имплементации. Но и этого было достаточно, чтобы обозначить фундаментальный раскол американского общества.

Так сложился феномен «трампизма», во многом превосходящий масштаб личности самого Дональда Трампа. Трамп сыграл на антиглобалистской волне протеста. Но совершенно очевидно, что он не являлся и не является идеологической фигурой. И тем не менее именно вокруг него стал формироваться оппозиционный блок. Американская женщина консерватор Энн Култер, написавшая книгу «In Trump we trust»[2], позднее переформулировала свое кредо так: «in Trumpism we trust».

Не столько сам Трамп, сколько намеченная им линия противостояния глобалистам, стала ядром трампизма. В роли Президента Трамп далеко не всегда был на высоте сформулированной им самой задачи. И уже тем более ничего даже близко напоминающего «осушение Болота» и победу над «глобализмом» ему осуществить не удалось. Но, несмотря на это, он стал центром притяжения для всех тех, кто осознавал или только чувствовал опасность, исходящую от глобалистских элит и неразрывно связанных с ними представителей Больших Финансов и Больших Технологий.

Так стало складываться ядро трампизма. В этом процессе важную роль сыграл американский интеллектуал консервативной ориентации Стив Бэннон, мобилизовавший в поддержку Трампа широкие слои молодежи и разрозненные консервативные движения. Сам Бэннон вдохновлялся серьезными антимодернистскими авторами – такими как Юлиус Эвола, и, следовательно, его оппозиция глобализму и либерализму имела более глубокие основания.

Важную роль в трампизме сыграли последовательные палео-консерваторы – изоляционисты и националисты – Пат Бьюкенен, Рон Пол, а также отодвинутые ранее – с 80-х годов – на периферию неоконями (глобали-

стами справа) адепты антилиберальной и антимодернистской (следовательно, фундаментально антиглобалистской) философии – Ричард Вивер и Рассел Кирк.

Выразителем массовой мобилизации «трампистов» стали представители сетевой организации QAnon, которые облекли критику либерализма, демократов и глобалистов в форму теории заговора. Они распространяли в сетях потоки обвинений и разоблачений глобалистов, замешанных в секс-скандалах, педофилии, коррупции и сатанизме.

Верные интуиции о зловещем характере либеральной идеологии – ставшем очевидным на последних стадиях её триумфального распространения в человечестве – сторонники QAnon сформулировали на уровне среднестатистического американца и массового сознания, едва ли склонного к углубленному философскому и идеологическому анализу. Параллельно этому QAnon расширяли свое влияние, но одновременно придавали антилиберальной критике гротескные черты.

Именно сторонники QAnon как авангард массового конспирологического популизма оказались во главе протестов 6 января, когда возмущенные украденными выборами сторонники Трампа ворвались в Капитолий. Они не добились при этом никакой цели, но лишь дали Байдену и демократам повод еще больше демонизировать «трампизм» и всех противников глобализма, приравняв всякого консерватора к «экстремистам». За этим последовала волна арестов, а наиболее последовательные «новые демократы» предложили лишить сторонников Трампа всех социальных прав – включая возможность покупки билетов на самолет.

Поскольку социальные сети регулярно мониторятся сторонниками именно либеральной элиты, то собрать сведения практически о всех гражданах США и их политических предпочтениях не составляло проблемы. Так приход в Белый Дом Байдена ознаменовался тем, что либерализм приобрел откровенно тоталитарные черты.

Отныне трампизм, популизм, защита семейных ценностей и любые намеки на консерватизм или на несогласие с установками глобалистского либерализма приравнены в США почти к преступлению – к hate speech «фашизму».

Но все же трампизм не исчез с победой Байдена. В его рядах в той или иной степени оказались те, кто отдал на прошедших выборах свои голоса Дональду Трампу – а это более 70 000 000 голосов.

Поэтому совершенно очевидно, что «трампизм» отнюдь не закончится вместе с Трампом. Половина населения США фактически оказалась в положении радикальной оппозиции, а наиболее последовательные из трампистов представляют собой ядро антиглобалистского подполья в самой цитадели глобализма.

Нечто аналогичное происходит и в европейских странах, где популистские движения и партии все больше осознают себя диссидентами, лишенными всех прав и подвергающихся идеологическим гонениям в условиях ставшей очевидной глобалистской диктатуры.

Как бы ни хотели глобалисты, снова захватившие власть в США, представить предыдущие 4 года «досадным недоразумением», а свою победу объявить окончательным «возвратом к нормальности», объективная картина предельно далека от успокоительных заклинаний глобалистской верхушки. Против нее и против ее идеологии мобилизованы не только страны с иной цивилизационной идентичностью, но на сей раз и половина собственного населения, постепенно приходящего к осознанию серьезности своего положения и приступающего к поиску идеологической альтернативы.

Вот в каких условиях Байден возглавил США. Сама американская почва горит у глобалистов под ногами. И это придает ситуации «последнего боя» особое, дополнительное измерение. Не Запад против Востока, не США и НАТО против всех остальных, но либералы против человечества – включая тот сегмент человечества, который оказался на территории самого Запада, но все больше и больше отворачивается от своих же глобалистских элит – вот, что определяет стартовые условия этой битвы.

Индивидуум и дивидуум

Следует прояснить еще один существенный момент. Мы видели, что вся история либерализма представляет собой последовательное освобождение индивидуума от всех форм коллективной идентичности. Последним аккордом в процессе этой логически безупречной имплементации номинализма станет переход к постгуманизму и вероятной замене человечества иной – на сей раз постчеловеческой – цивилизацией машин. Именно к этому ведет последовательный индивидуализм, взятый как нечто абсолютное.

Но здесь либеральная философия подходит к принципиальному парадоксу. Освобождение индивидуума от человеческой идентичности, к чему готовит его гендерная политика, осознанно и целенаправленно превращающая человека в извращенное чудовище, не может гарантировать того, что это новое – прогрессивное! – существо останется индивидуумом.

Более того, и развитие сетевых компьютерных технологий, и генная инженерия, и сама объектно-ориентированная онтология, представляющая собой кульминацию Постмодерна, явно ведут к тому, что «новое существо» будет не столько «животным», сколько «машиной». Именно с этим и связаны горизонты «бессмертия», которые скорее всего будут обеспечиваться искусственным сохранением личных воспоминаний (которые достаточно легко симулировать).

Таким образом, индивидуум будущего, как исполнение всей программы либерализма целиком, не сможет гарантировать именно того, что было главной задачей либерального прогресса – то есть своей индивидуальности. Либеральное существо будущего даже в теории представляет собой отнюдь не индивидуума, то есть нечто «неделимое», но напротив, «дивидуума», то есть нечто делимое и состоящее из заменяемых деталей. Такова машина – она состоит из комбинации частей.

В теоретической физике уже давно состоялся переход от теории «атомов» (то есть «неделимых единиц материи») к теории частиц, которые мыслятся не как «части чего-то целого», но как «части без целого». Индивидуум как целое также разлагается на составные детали, которые можно снова собрать, но можно и не собирать, а использовать как биоконструктор. Отсюда образы мутантов, химер и монстров, которыми изобилует современная фантастика, населяя ими большинство воображаемых (а значит, в каком-то смысле, предвосхищаемых и даже планируемых) версий будущего.

Постмодернисты и спекулятивные реалисты уже подготовили для этого почву, предложив заменить тело человека как что-то цельное на представление о «парламенте органов» (Б. Латур). Тем самым индивидуум – даже как биологическая единица – превратится в нечто иное, мутирует именно в тот момент, когда достигнет своего абсолютного воплощения.

Прогресс человечества в либеральном толковании с неизбежностью заканчивается упразднением человечества.

Именно это и подозревают – пусть весьма смутно – все те, кто встает на путь борьбы с глобализмом и либерализмом. И хотя QAnon и свойственные им антилиберальные теории заговора только искажают действительность, придавая своим подозрениям гротескные черты, которые легко опровергнуть либералам, реальность в ее трезвом и объективном описании оказывается намного страшнее самых тревожных и чудовищных ее предвосхищений.

«Большая Перегрузка» – это, действительно, план ликвидации человечества. Потому что именно к такому выводу логически приводит доведенная до конца линия либерально понятного «прогресса»: стремление освободить индивидуума от всех форм коллективной идентичности не может не завершиться освобождением индивидуума от него самого.

Часть 4. Великое Пробуждение (Great Awakening)

«Великое Пробуждение»: вопль в ночи

Мы подошли вплотную к тезису, представляющему прямую противоположность «Большой Перегрузке» – к тезису о «Великом Пробуждении», Great Awakening.

Этот лозунг первыми выдвинули представители именно американских антиглобалистов – ведущий альтернативного телеканала Infowars Алекс Джонс, подвергшегося глобалистской цензуре и деплатформированию из социальных сетей ещё на первом этапе президентства Трампа, и активисты QAnon. Важно, что это произошло именно в США, где назрело ожесточение между глобалистскими элитами и популистами, получившими – пусть на 4 года – своего президента, хотя и стреноженного административными преградами и ограниченностью собственного идеологического кругозора.

И, сами не обремененные серьезным идеологическим и философским багажом, антиглобалисты сумели схватить сущность самых важных процессов, развертывающихся в современном мире. Глобализм, либерализм и «Большая Перегрузка», являясь выражением решимости либеральных элит довести свои планы до конца, причем любыми методами – включая прямую диктатуру, масштабные репрессии и компании по тотальной дезинформации – натолкнулись на все более растущее и все более осознанное сопротивление.

Алекс Джонс заканчивает свои программы одним и тем же возгласом – «You are Resistance!», «Спротивление – это вы!» При этом сам Алекс Джонс или активисты QAnon не имеют строго определенных мировоззренческих взглядов. В этом смысле они – представители именно народных масс, те самые «deplorables», которых так больно унизила Хиллари Клинтон. То, что просыпается, это не идеологические противники либерализма, не враги капитализма и не идейные оппоненты демократии. Это даже не консерваторы. Это просто люди – люди как таковые, самые обычные и простые. Но... люди, желающие быть и оставаться людьми. То есть иметь свободу, пол, культуру и живые конкретные связи с Родиной, окружающим миром, народом.

«Великое Пробуждение» – это не о элитах и интеллектуалах, но о народе, о массах, о людях как таковых. И Пробуждение, о котором идет речь, не связано с идеологическим анализом. Оно есть спонтанная реакция едва ли компетентных в философии масс, живо и внезапно осознавших, – как скот перед бойней, – что их судьба уже решена правителями и что в будущем для людей больше нет места.

«Великое Пробуждение» спонтанно, во многом неосознанно, интуитивно и слепо. Это еще отнюдь не выход на осознание, на вывод, на глубокий исторический анализ. Как мы видели в кадрах из Капитолия, активисты трампизма и участники QAnon выглядят как персонажи из комиксов или супергерои из сериалов Marvel. Конспирология – это детская болезнь антиглобализма. Но с другой стороны, это начало фундаментального исторического процесса. Так возникает полюс оппозиции самому ходу истории в ее либеральном понимании.

Поэтому не следует поспешно нагружать тезис о «Великом Пробуждении» идеологической детализацией – фундаментальным консерватизмом (в том числе религиозным), традиционализмом, марксистской критикой капитала или анархическим протестом ради протеста. «Великое Пробуждение» это нечто более органическое, более спонтанное и в то же время тектоническое. Так человечество внезапно озаряется осознанием близости своего неминуемого конца.

И поэтому «Великое Пробуждение» столь серьезно. И поэтому оно исходит из США, той цивилизации, где сумерки либерализма гуще всего. Это вопль из центра самого ада, из той зоны, где черное будущее уже отчасти наступило.

«Великое Пробуждение» есть спонтанный ответ человеческих масс на «Большую Перегрузку». Конечно, можно отнестись к этому скептически. Либеральные элиты – особенно сегодня – держат в своих руках управление всеми основными цивилизационными процессами.

Они управляют мировыми финансами и способны делать с ними все, что угодно – от безграничной эмиссии до любых махинаций с финансовыми инструментами и структурами.

В их руках вся американская военная машина и управление союзниками по НАТО. Байден обещает снова укрепить влияние Вашингтона в этой структуре, почти распавшейся в последние годы.

Либералам подчинены практически все гиганты High Tech – компьютеры, айфоны, сервера, телефоны и социальные сети строго контролируются несколькими монополистами, входящими в глобалистский клуб. А значит, у Big Data, то есть у всего объема сведений о практически всем населении земли, есть хозяин и владелец.

Технологии, научные центры, мировое образование, культура, СМИ, медицина и социальные службы полностью в их руках.

Либералы в правительствах и властных кругах страны есть органические компоненты планетарных сетей – все с тем же штабом.

На глобалистов работают спецслужбы стран Запада и их агентура в других режимах, завербованная или подкупленная, принужденная к сотрудничеству или добровольно на него пошедшая.

Казалось бы, как в такой ситуации сторонникам «Великого Пробуждения» осуществить восстание против глобализма? Как – не имея никаких ресурсов – эффективно противостоять мировой элите? Каким оружием пользоваться? Какой стратегии придерживаться? И более того – на какую идеологию опереться, ведь либералы и глобалисты всего мира едины и имеют общую идею, общую цель и единую линию, а их противники разрозненны не только в разных обществах, но и в рамках одного и того же.

И конечно, эти противоречия в рядах оппозиции еще более усугубляются правящими элитами, привычно разделяющими, чтобы властвовать. Поэтому мусульман натравливают на христиан, левых на правых, европейцев на русских или китайцев и т. д.

Но «Великое Пробуждение» происходит не благодаря, а вопреки всему этому. Против либералов восстает само человечество, человек как эйдос, человек как общее, человек как коллективная идентичность, причем сразу во всех ее формах – органических и искусственных, исторических и новаторских, восточных и западных.

«Великое Пробуждение» только начинается. Оно даже толком еще не началось. Но уже тот факт, что у него есть имя, и что это имя появилось в самом эпицентре идеологических и исторических трансформаций – в США, на фоне драматического разгрома Трампа, отчаянного захвата Капитолия и поднимающейся волны либеральных репрессий, когда глобалисты не скрывают более тоталитарной сути и своей теории, и своей практики, имеет огромное (может быть, решающее) значение.

«Великое Пробуждение» против «Большой Перегрузки» – это восстание человечества против правящих либеральных элит. Более того, это восстание Человека против своего извечного давнего врага, против врага самого рода человеческого.

Если есть те, кто провозглашают «Великое Пробуждение», как бы наивно ни выглядели их формулы, уже значит, что не все потеряно, что в массах зреет ядро Сопrotивления, что они начинают мобилизацию. С этого момента начинается история всемирного восстания – восстания против «Большой Перегрузки» и ее адептов.

«Великое Пробуждение» есть вспышка сознания на пороге Сингулярности. Последняя возможность принять альтернативное решение о содержании и направлении будущего. Полное замещение людей новыми сущностями, дивидуумами, не может быть просто навязано силой сверху. Элиты должны соблазнить человечество, получить от него – пусть смутное, но согласие. «Великое Пробуждение» призывает сказать решительное «нет!».

Это еще не конец войны, даже не сама война. Более того, это еще и не ее начало. Но это возможность такого начала. Нового Начала истории Человека.

Конечно, «Великое Пробуждение» совершенно не подготовлено.

Как мы видели, в самих США противники либерализма – как Трамп, так и трамписты – готовы отвергнуть последнюю стадию либеральной демократии, но и не помышляют о полноценной критике капитализма. Они защищают вчера и сегодня против надвигающегося зловещего завтра. Но у них отсутствует полноценный идеологический горизонт. Они пытаются спасти предыдущую стадию той же либеральной демократии, того же капитализма, от последующих и более продвинутых стадий. А это само по себе содержит противоречие.

Современные левые также имеют границы своей критики капитализма – и потому, что разделяют материалистическое понимание истории (Маркс был согласен с необходимостью мирового капитализма, который он надеялся преодолеть через мировой пролетариат), и потому, что в последнее время социалистические и коммунистические движения были перехвачены либералами и переориентированы с ведения классовой войны против капитализма на защиту мигрантов, сексуальных меньшинств и борьбу с мнимыми «фашистами».

Правые же ограничены своими национальными государствами и культурами, не видя того, что в таком же отчаянном положении оказались народы и других цивилизаций. Буржуазные нации, возникшие на заре Нового времени, представляют собой рудимент буржуазной цивилизации. Эта цивилизация сегодня разрушает и упраздняет то, что сама же создала вчера, но использует все ограничения национальной идентичности для поддержания противостоящего глобалистам человечества в разрозненном и конфликтном состоянии.

Поэтому «Великое Пробуждение» есть, а идейной основы у него пока нет. Но если оно действительно и является по-настоящему историческим, а не эфемерным и чисто периферийным явлением, то такая основа ему просто необходима. Причем за пределом существующих политических идеологий, сложившихся в Новое время на самом Западе. Обращение к любой из них будет автоматически означать, что мы оказываемся в идеологическом плену становления капитала.

Значит, в поисках платформы для «Великого Пробуждения», вспыхнувшего в США, мы должны выйти за пределы американского общества и довольно короткой американской истории и двинуться за вдохновением в иные цивилизации – прежде всего в нелиберальные идеологии самой Европы. Но и этого недостаточно, так как наряду с деконструкцией либерализма мы должны обрести опору в самых разных цивилизациях человечества, далеко не исчерпывающихся Западом, откуда собственно и исходит основная угроза и где – в швейцарском Давосе! – и была провозглашена «Большая Перегрузка».

Интернационал народов против интернационала элит

«Большая Перегрузка» хочет снова сделать мир однополярным, чтобы перейти к глобалистской беспоплярности, когда элиты станут в полном смысле слова интернациональными и их местопребывание будет расплыто по всему пространству планеты. Именно поэтому глобализм несет в себе конец США – США как страны, государства, общества. Это-то и чувствуют – подчас интуитивно – трампысты и сторонники «Великого Пробуждения». Байден – это приговор США. А через США и всем остальным.

Соответственно, «Великое Пробуждение» в целях спасения народов и обществ должно начинаться с многополярности. Это не просто спасение самого Запада, но даже и не спасение от Запада всех остальных. Это спасение человечества – и западного, и незападного – от тоталитарной диктатуры либеральных капиталистических элит. А это в одиночку не могут сделать ни люди Запада, ни люди Востока. Здесь надо действовать сообща. «Великое Пробуждение» предполагает интернационал народов против интернационала элит.

Многополярность становится важнейшим ориентиром и ключом к стратегии «Великого Пробуждения». Только обратившись ко всем государствам, культурам и цивилизациям человечества, мы способны собрать достаточно сил, чтобы эффективно противостоять «Большой Перегрузке» и ориентации на Сингулярность.

Но в этом случае вся картина неизбежного финального столкновения оказывается далеко не столь отчаянной. Если мы окинем взглядом все то, что может стать полюсами «Великого Пробуждения», ситуация будет представлена в несколько ином свете. Интернационал народов, стоит только начать мыслить в этих категориях, оказывается далеко не утопией и не абстракцией. Более того, мы легко можем увидеть уже сейчас огромный потенциал, который может быть задействован в борьбе против «Большой Перегрузки».

Перечислим кратко тот диспозитив, на который «Великое Пробуждение» может рассчитывать в глобальном масштабе.

Гражданская война в США: выбор нашего лагеря

В США мы имеем опору в трампизме. И хотя сам Трамп проиграл, это не значит, что и сам он опустил руки, смирившись с украденной победой, и что его сторонники – 70 000 000 американцев – успокоились и приняли либеральную диктатуру как должное. Ничего подобного. Отныне в самих США действует мощное многочисленное (половина населения!), озлобленное и доведенное до отчаяния тоталитаризмом либералов антиглобалистское подполье. Дистопия Оруэлла из романа "1984" воплотилась в жизнь не в коммунистическом или фашистском режиме, но в либеральном. Однако опыт и советского коммунизма и даже нацистской Германии показывает, что сопротивление возможно всегда.

Сегодня США находятся, по сути, в состоянии гражданской войны. Власть захватили либерал-большевики, а их противники отброшены в оппозицию и оказались на грани того, чтобы перейти на нелегальное положение. 70 000 000 оппозиции – это серьезно. Конечно, они разрознены и могут растеряться в ходе карательных рейдов демократов и новых тоталитарных технологий Big Tech.

Но американский народ рано списывать со счетов. Явно, что у него еще есть определенный запас сил, и свою индивидуальную свободу половина населения США готова защищать любой ценой. А сегодня вопрос стоит именно так: или Байден – или свобода. Конечно, либералы попытаются отменить Вторую поправку и разоружить становящееся все менее лояльным глобалистской верхушке население. Вероятно, что демократы попытаются добить и саму двухпартийную систему, введя по сути однопартийный режим – вполне в духе современного состояния их идеологии. Это и есть либерал-большевизм.

Но Гражданская война никогда не имеет заведомого исхода. История открыта, и победа любой из сторон всегда возможна. Особенно если человечество осознает, насколько важна американская оппозиция для всеобщей победы над глобализмом. Как бы мы ни относились к США, к Трампу и трампистам, мы все просто обязаны поддерживать американский полюс «Великого Пробуждения». Спасти Америку от глобалистов, а значит, содействовать тому, чтобы она снова стала великой, это наша общая задача.

Европейский популизм: преодоление правых и левых

Не спадает волна антилиберального популизма и в Европе. Хотя глобалисту Макрону и удастся сдерживать бурные протесты «желтых жилетов», а итальянским и германским либералам изолировать и блокировать правые партии и их лидеров, предотвращая их приход к власти, эти процессы неостановимы. Популизм выражает собой то самое «Великое Пробуждение», но только на европейской почве и с европейской спецификой.

Для этого полюса сопротивления чрезвычайно важна новая идеологическая рефлексия. Европейские общества намного более идеологически активны, нежели американцы, и поэтому традиции правой и левой политики – и присущие им противоречия – ощущаются намного более остро.

Именно этими противоречиями и пользуются либеральные элиты, чтобы сохранять свои позиции в странах Евросоюза.

Дело в том, что ненависть к либералам в Европе нарастает одновременно с двух сторон: левые видят в них представителей крупного капитала, эксплуататоров, потерявших последние приличия, а правые – провокаторов искусственной массовой миграции, уничтожителей последних остатков традиционных ценностей, губителей европейской культуры и могильщиков среднего класса. При этом в большинстве своем и правые и левые популисты отложили традиционные идеологии, не отвечающие больше историческим потребностям, и выражают свои взгляды в новых формах – подчас противоречивых и обрывочных.

Отказ от идеологий – ортодоксального коммунизма и национализма – в целом положителен, это дает популистам новую, гораздо более широкую базу. Но это же является и их слабым местом.

Однако самое фатальное в европейском популизме это не столько деидеологизация, сколько сохранение глубокого отторжения между левыми и правыми, сохранившееся с предыдущих исторических эпох.

Становление европейского полюса «Великого Пробуждения» должно быть сопряжено с решением этих двух идеологических задач: окончательным преодолением рубежа между левыми и правыми (то есть обязательный отказ одних от надуманного «антифашизма», а других от столь же надуманного «антикоммунизма») и возведением популизма как такового – *интегрального популизма* – в самостоятельную идеологическую модель. Ее смысл должен заключаться в радикальной критике либерализма и его высшей стадии – глобализма, но при этом сочетать требование социальной справедливости и сохранения традиционной культурной идентичности.

В этом случае европейский популизм, во-первых, приобретет критическую массу, которой фатально не достает, пока правые и левые популисты тратят время и усилия на сведение счетов друг с другом, а во-вторых, станет важнейшим полюсом «Великого Пробуждения».

Китай и его коллективная идентичность

У противников «Большой Переагрузки» есть и еще один существенный аргумент. Это современный Китай. Да, Китай воспользовался открываемыми глобализацией возможностями, чтобы усилить экономику своего общества. Но Китай не принял сам дух глобализма, либерализм, индивидуализм и номинализм его идеологии. Китай взял у Запада то, что сделало его сильнее, но отверг то, что его ослабляло. Это опасная игра, но до настоящего момента Китай с ней успешно справляется.

По сути, Китай – это традиционное общество с многотысячелетней историей и устойчивой идентичностью. И он явно намерен оставаться таким же и дальше. Особенно ясно это видится в политике нынешнего руководителя Китая Си Цзиньпина. Он готов идти на тактические компромиссы с Западом, но строго следит за тем, чтобы суверенитет и независимость Китая только росли и укреплялись.

То, что глобалисты и Байден будут действовать с Китаем солидарно, является мифом. Да, на него опирался Трамп и об этом говорил Бэннон, но это следствие узости геополитического горизонта и результат глубокого непонимания сущности китайской цивилизации. Китай будет следовать своей линии и укреплять многополярные структуры. По сути, Китай является важнейшим полюсом «Великого Пробуждения», что станет понятным, если мы примем за отправную точку необходимость интернационала народов. Китай и есть народ с ярко выра-

женной коллективной идентичностью. Китайского индивидуализма вообще не существует, а если он есть, то представляет собой культурную аномалию. Китайская цивилизация – это торжество вида, рода, порядка и структуры над всякой индивидуальностью.

Конечно, «Великое Пробуждение» не должно становиться китайским. Оно вообще не должно быть единообразным – ведь у каждого народа, у каждой культуры, у каждой цивилизации – свой дух и свой эйдос. Человечество многообразно. И свое единство оно пронзительнее всего может ощутить лишь при столкновении с серьезной угрозой, которая нависла надо всем им. А именно этим и является «Большая Перегрузка».

Ислам против глобализации

Еще один аргумент «Великого Пробуждения» – это народы исламской цивилизации. То, что либеральный глобализм и западная гегемония радикально отвергаются исламской культурой и самой исламской религией, на которой эта культура основана, очевидно. Конечно, в колониальный период и под силовым и экономическим влиянием Запада часть исламских государств оказалась в орбите капитализма, но практически во всех исламских странах в отношении либерализма и особенно в отношении современного глобалистского либерализма существует устойчивое и глубокое отторжение.

Это проявляется как в крайних формах – исламского фундаментализма, так и в умеренных. В некоторых случаях носителями антилиберальной инициативы становятся отдельные религиозные или политические течения, а в других случаях эту миссию берет на себя само государство. В любом случае, исламские общества идейно подготовлены к системному и активному противостоянию либеральной глобализации. В проектах «Большой Перегрузки» не содержится вообще ничего того, что даже теоретически могло бы импонировать мусульманам. Поэтому весь исламский мир в целом и представляет один огромный полюс «Великого Пробуждения».

Среди исламских стран полнее всего в оппозиции глобалистской стратегии находятся шиитский Иран и суннитская Турция. При этом, если главная мотивация Ирана – это религиозные представления о приближающемся конце света и последней битве, где главным врагом – Даджалом – однозначно признается Запад, либерализм и глобализм, то Турцией движут больше прагматические соображения – стремление усилить и сохранить национальный суверенитет и обеспечить турецкое влияние на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье.

В политике Эрдогана, постепенно отдаляющегося от НАТО, национальные традиции Кемаля Ататюрка сочетаются с желанием играть роль лидера суннитских мусульман, но и то и другое достижимо только в оппозиции либеральной глобализации, предусматривающей как полную секуляризацию обществ, так и ослабление (и, в пределе, полное упразднение) национальных государств. Как промежуточная фаза рассматривается предоставление малым этническим группам политической самостоятельности, что для Турции было бы губительно – в силу большого и достаточно активного курдского фактора.

Постепенно от США и Запада все больше отдаляется и суннитский Пакистан, представляющий собой еще одну форму сочетания национальной и исламской политики.

Хотя страны Залива больше зависят от Запада, при более внимательном рассмотрении и арабийский ислам, а тем более Египет, представляющий собой еще одно важное и самостоятельное государство исламского мира, оказываются социальными системами, не имеющими ничего общего с глобалистской повесткой дня и естественным образом предрасположенными к тому, чтобы встать на сторону «Великого Пробуждения».

Этому препятствуют лишь искусно разогреваемые тем же Западом и глобалистскими центрами управления противоречия между самими мусульманами, что касается не только шиитско-суннитских противоречий, но и региональных конфликтов отдельных суннитских государств между собой.

Контекст «Великого Пробуждения» мог бы стать идеологической платформой и для объединения исламского мира в целом, так как оппозиция «Большой Перегрузке» является практически для каждой исламской страны безусловным императивом. Это и позволяет взять стратегию глобалистов и противостояние ей в качестве общего знаменателя. Осознание масштаба «Великого Пробуждения» позволило бы в определенных границах снять остроту локальных противоречий и содействовать формированию еще одного полюса глобального сопротивления.

Миссия России: встать в авангарде «Великого Пробуждения»

И наконец, важнейшим полюсом «Великого Пробуждения» призвана стать Россия. Несмотря на то, что Россия отчасти была вовлечена в западную цивилизацию – и через культуру Просвещения в царистский период, и при большевиках, и особенно после 1991 года, на всех этапах – и в древности, и в настоящее время – глубинная идентичность русского общества с огромным недоверием относится к Западу и особенно к либерализму и глобализации. Номинализм глубоко чужд русскому народу в самих его основах.

Русская идентичность всегда ставила во главу угла именно общее – род, вид, церковь, традицию, народ, державу, и даже коммунизм представлял собой – пусть искусственную, классовую – но коллективную идентичность, противопоставленную буржуазному индивидуализму. Русские упорно отвергали и продолжают отвергать номинализм во всех его формах. И это является общей платформой как для монархического, так и для советского периода.

После неудачной попытки интегрироваться в глобальное сообщество в 90-е годы XX века, благодаря провалу либеральных реформ, общество только еще больше убедилось в том, насколько глобализм и индивидуалистические установки и принципы чужды русским. Именно этим и определяется общая поддержка консервативного и суверенного курса Путина. Русские отвергают «Большую Перегрузку» и справа, и слева – и это, вместе с историческими традициями, коллективной идентичностью, восприятием суверенитета и свободы государства как высшей ценности, составляет не сиюминутную, но долгосрочную, фундаментальную черту русской цивилизации.

Особенно обострилось отторжение либерализма и глобализации в последние годы, когда сам либерализм обнаружил свои глубоко отталкивающие для русского сознания черты. Именно этим обосновывалась определенная симпатия русских к Трампу и параллельно глубокое отвращение к его либеральным оппонентам.

Со стороны Байдена отношение к России вполне симметрично. Он и глобалистские элиты в целом рассматривают Россию как *главного цивилизационного противника*, упорно отказывающегося принимать вектор либерального прогрессизма и жестко отстаивающего свой политический суверенитет и свою самобытность.

Конечно, и у современной России нет законченной и внятной идеологии, которая могла бы составить серьезную проблему для «Большой Перегрузки». Кроме того, в России либеральные элиты, укрепившиеся на верхах общества, по-прежнему сильны и влиятельны, а в экономике, образовании, культуре и науке до сих пор господствуют либеральные идеи, теории и методы. Все это ослабляет потенциал России, дезориентирует общество и создает почву для нарастания внутренних противоречий. Но в целом Россия представляет собой важнейший – если не главный! – полюс «Великого Пробуждения».

Именно к этому вела вся русская история, выражающая внутреннюю убежденность, что русским предстоит нечто великое и решающее в драматической ситуации конца времен, конца истории. Но именно этот конец – причем в наихудшей версии – и предполагает проект «Большой Перегрузки». Победа глобализма, номинализма и наступление момента Сингулярности означали бы провал русской исторической миссии не только в будущем, но и в прошлом. Ведь смысл русской истории был обращен именно к будущему, а прошлое являлось лишь подготовкой к нему.

И в этом будущем, которое наступает как раз сейчас, роль России сводится к тому, чтобы не просто принять активное участие в «Великом Пробуждении», но и в том, чтобы встать в его авангарде, провозгласив императив «интернационала народов» в борьбе против либерализма – этой чумы XXI века.

Просыпающаяся Россия: имперский Ренессанс

Что значит в таких условиях для России «проснуться»? Это значит *в полной мере восстановить свой исторический, геополитический и цивилизационный масштаб*. Стать полюсом нового многополярного мира.

Россия никогда не была «просто страной» – тем более «просто одной из европейских стран». При всем единстве с Европой наших корней, уходящих в греко-римскую культуру, Россия на всех этапах своей истории шла по своему собственному – *особому* – пути. Это сказалось и в нашем твердом и непоколебимом выборе Православия и в целом византизма, что во многом и предопределило нашу отстраненность от Западной Европы, выбравшей католичество, а позднее еще и протестантизм. В Новое время этот же фактор глубинного недоверия к Западу сказался в том, что мы оказались не столь затронутыми самим духом Модерна – номинализмом, индивидуализмом, либерализмом. И даже когда мы заимствовали с Запада отдельные учения и идеологии, часто они были критическими, то есть содержали в себе столь близкое нам самим отторжение магистрального – либерально-капиталистического – пути развития западноевропейской цивилизации.

На идентичность России огромное влияние оказал и восточный – туранский – вектор. Как показали философы-евразийцы, в том числе и великий русский историк Лев Гумилёв, монгольская государственность Чингисхана стала для России важным уроком централизованной организации имперского типа, что во многом предопределило наш державный подъем начиная с XV века, когда Золота Орда распалась, а Московская Русь заняла ее место в пространстве Северо-Восточной Евразии. Эта преемственность геополитике Орды закономерно привела к могущественной экспансии последующих эпох. И всякий раз Россия отстаивала и утверждала не просто свои интересы, но и свои ценности.

Так Россия оказалась наследницей сразу двух Империй, которые рухнули приблизительно в одно и то же время, в XV веке – Византийской и Монгольской. Империя стала нашей судьбой. И даже в XX веке при всем радикализме большевистских преобразований *Россия вопреки всему оставалась Империей* – пусть на сей раз советской.

Это значит, что наше пробуждение немыслимо без возврата к исполнению заложенной в нашей исторической судьбе имперской миссии.

По своей ценностной структуре такая миссия прямо противоположна глобалистскому проекту «Большой Перегрузки». И естественно было бы ожидать, что в своем решительном броске глобалисты сделают всё от них зависящее, чтобы не допустить имперского Ренессанса в России. Соответственно, нам нужен именно он – имперский Ренессанс. Не для того, чтобы навязать всем остальным народам, культурам и цивилизациям свою – русскую и православную – истину, но чтобы возродить, укрепить и защитить свою идентичность и по мере сил помочь другим возродить, укрепить и защитить свои. Ведь адепты «Большой Перегрузки» нацелены не только против Рос-

сии, хотя во многом именно наша страна является главной преградой для исполнения и планов. Но в этом и состоит наша миссия – быть «катехоном», «удерживающим», препятствующим приходу в мир последнего зла.

Однако в глазах глобалистов остальные традиционные цивилизации, культуры и общества также подлежат демонтажу, переформатированию и превращению в недифференцированную глобальную космополитическую массу, а в ближайшем будущем и замещению новыми – постчеловеческими – формами жизни, организмами, механизмами или их гибридами. Поэтому имперское пробуждение России призвано стать сигналом для общечеловеческого восстания народов и культур против либеральных глобалистских элит. Возрождаясь как Империя, как православная Империя, Россия покажет пример и другим Империям – китайской, турецкой, персидской, арабской, индийской, а также латиноамериканской, африканской и... европейской. Вместо доминанции одной единой глобалистской «Империи» Большой Перезагрузки русское пробуждение должно стать зачином эпохи *многих Империй*, отражающих и воплощающих в себе все богатство человеческих культур, традиций, религий и ценностных систем.

К победе «Великого Пробуждения»

Если сложить трампизм в США, европейский популизм (как правый, так и левый), Китай, исламский мир и Россию, предусмотрев, что к этому лагерю могут примкнуть в какой-то момент и великая индийская цивилизация, и страны Латинской Америки, и заходящая на очередной виток деколонизации Африка, а также вообще все народы и культуры человечества, мы получаем не просто рассеянных и растерянных маргиналов, пытающихся что-то возразить могущественным либеральным элитам, ведущим человечество на финальную бойню, но полноценный фронт, включающий в себя разномасштабных акторов – от великих держав с планетарной экономикой и ядерным оружием до влиятельных и многочисленных политических, религиозных и общественных сил и движений.

Власть глобалистов, в конце концов, основана на внушении и «чёрных чудесах». Они правят не на основе действительного могущества, а опираясь на иллюзии, симулякры и искусственные образы, которые маниакально стараются внедрить в сознание человечества.

В конце концов, «Большую Перезагрузку» провозгласила горстка выродившихся и на ладан дышащих глобалистских стариков на грани деменции (сам Байден, сморщенный злодей Сорос или упитанный бюргер Шваб) и маргинального извращенного отребья, отобранного для иллюстрации возможности сделать молниеносную карьеру для любого ничтожества. Конечно, на них работают биржи и печатные станки, мошенники с Уолл-стрит и наркоманы-изобретатели из Силиконовой долины. Им подчинены дисциплинированные люди разведки и послушные генералы армии. Но это ничтожно мало в сравнении с человечеством – с людьми труда и мысли, с глубиной религиозных институтов и фундаментальных богатейших культур.

«Великое Пробуждение» заключается в том, что мы начинаем догадываться о сути фатальной – убийственной и одновременно самоубийственной – стратегии «прогресса», как его понимают глобалистские либеральные элиты. И если мы это понимаем, то способны объяснить и другим. Пробужденные могут и должны пробуждать всех остальных. И если нам это удастся, то «Большая Перезагрузка» не просто не состоится, но справедливый суд настигнет тех, кто сделал своей целью уничтожение человечества – вначале духовное, а затем и телесное.

[1] *Английские формулировки 5 пунктов «Большой Перезагрузки» из доклада Принца Чарльза:*

- *To capture the imagination and will of humanity – change will only happen if people really want it;*
- *The economic recovery must put the world on the path to sustainable employment, livelihoods and growth.*

Longstanding incentive structures that have had perverse effects on our planetary environment and nature herself must be reinvented;

· *Systems and pathways must be redesigned to advance net zero transitions globally. Carbon pricing can provide a critical pathway to a sustainable market;*

· *Science, technology and innovation need re-energizing. Humanity is on the verge of catalytic breakthroughs that will alter our view of what is possible and profitable in the framework of a sustainable future;*

· *Investment must be rebalanced. Accelerating green investments can offer job opportunities in green energy, the circular and bio-economy, eco-tourism and green public infrastructure.*

[2] *Ann Coulter. In Trump We Trust: E Pluribus Awesome! New York: Sentinel, 2016.*

Александр Дугин